

УДК 378.4

DOI: 10.25629/НС.2022.08.03

КАЗЕННОКОШТНЫЕ СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Гриценко А.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена ранее не предпринимавшемуся в отечественной историографии комплексному исследованию казеннокоштного студенчества Московского университета николаевского времени как важнейшей группы среди университетской молодежи, в наибольшей степени представлявшей ценности и характерные особенности всей студенческой массы того времени. На основе архивных данных, официальной документации университета, а также ряда источников личного происхождения выявлены основные черты данной группы, а именно разночинское происхождение большинства “казенных питомцев”, достаточно молодой возраст переходящих на казенный кошт, их скромное материальное положение. С точки зрения тенденций развития социальной группы казенных учащихся стоит отметить постепенное расширение представительства данного вида студентов в университетских стенах, связанное как с общим расширением корпуса учащихся, так и с осознанием преимуществ университетского образования в широких слоях городского населения Российской империи. Что касается представленности казеннокоштных студентов по факультетам и отделениям Московского университета, то большинство из них пребывало на Медицинском факультете, что связано не только с масштабным приемом учащихся на него, но и с профессиональными перспективами в рамках данной специальности. Казенное обеспечение не считалось престижным статусом для студента, но предполагало полнейшее обеспечение материальных потребностей учащихся в пище, крыше над головой (они жили непосредственно в стенах Университета), книгах, письменных принадлежностях, мебели и одежде. С другой стороны, казенный кошт предполагал пристальное наблюдение за учебой и нравственностью учащихся со стороны инспектора студентов, его помощников, а также вышестоящих университетских властей. Тем не менее, ряд бывших “казенных питомцев” с теплотой вспоминали студенческие годы и считали казенное содержание благом для небогатых студентов-разночинцев. С отменой же казенного кошта в 1858 г. закончилась целая глава в истории студенчества Московского университета и его ядра, казенных студентов.

Ключевые слова: Императорский Московский университет, казеннокоштные студенты, своекоштные студенты, Министерство народного просвещения, инспектор студентов, разночинцы.

Введение

Пожалуй, во все века истории системы высшего образования в России перед властями достаточно остро стоял вопрос о способах материальной поддержки талантливых учащихся из небогатых семей, о финансировании их обучения и проживания в университетских городах. Исторически первой устойчивой формой такого рода поддержки стал так называемый “казенный кошт”, при котором университетские власти брали на себя все расходы на проживание, питание, обмундирование студентов, на покупку учебной литературы и письменных принадлежностей для них. Взамен же выпускники должны были по окончании университета прослужить шесть лет по ведомству Министерства народного просвещения [14, с. 699].

В Императорском Московском университете практика перевода желающих студентов на казенное содержание, начавшись еще во второй половине XVIII века, ко второй четверти XIX века приобрела вполне законченные формы и достаточное финансирование. Именно в николаевское

время статус и значительное (500 рублей в год) материальное обеспечение казенных студентов достигли такого уровня, что им завидовала часть небогатых своекоштных студентов [14], а сама группа “казенных питомцев” стала важным центром притяжения всей студенческой корпорации Московского университета, что признавали и их своекоштные товарищи [2, с. 466].

Данная работа ставит задачу рассмотреть казеннокоштных студентов как особую социальную группу внутри Московского университета николаевского времени, проследить и проанализировать изменение численности казенных студентов в исследуемый период, а также выявить социальные группы, вносящие основной вклад в формирование прослойки казеннокоштного студенчества в Москве. Среди указанных социальных групп стоит выделить сословные и конфессиональные группы как наиболее привычные индикаторы общественного положения воспитанников университета в ту эпоху, а также выявить их возрастной состав.

Краткий обзор источников и литературы

Для изучения того, как менялось количество студентов в университете, мы использовали, в первую очередь, такой сравнительно достоверный, хоть и небезупречный по своей внутренней структуре и наполнению источник, как печатные отчеты о деятельности Московского Университета [10], а также ряд источников личного происхождения и архивных материалов. Что касается современной историографии вопроса, то наибольший вклад в изучение динамики численности и социального состава студенчества внес Ф.А. Петров, уделивший данному вопросу немалое место в своей капитальной работе по истории отечественной системы университетского образования [11]. Расчеты Петрова были взяты за основу данного исследования, а ряд данных по собственно казеннокоштным студентам были собраны и проанализированы нами самостоятельно.

Что касается более раннего этапа, то большую работу по изучению численности, особенностей формирования и функционирования студенческой корпорации Московского второй половины XVIII — первой четверти XIX вв. проделал А.М. Феофанов [15]. Кроме того, ряд ценных выводов о жизни казенных студентов в Москве николаевского времени содержится в работах советских историков Л.И. Насонкиной [4] и Р.Г. Эймонтовой [18]. Наконец, феномен казенного кошта продолжает волновать и многочисленных исследователей начала XXI века — историков, педагогов, юристов, специалистов по государственному управлению. Делаются также небесспорные попытки представить казенное содержание студентов первой половины XIX века в качестве далекого прообраза советской системы распределения выпускников или даже современного целевого обучения [см.: 5].

Результаты и их интерпретация

Практически сразу после принятия нового университетского Устава 1835 года в связи с поэтапным переходом на четырехлетнее образование наблюдался быстрый рост общего числа студентов, в том числе казеннокоштных (начиная с 1837 г.). Студентам-старшекурсникам, начавшим обучение в период действия старого устава, разрешено было довершить обучение в установленный ранее срок — три года. Однако в 1835 г. было 315 студентов 1 и 2 курсов, которым предстояло учиться уже в течение четырех лет, а на медицинском факультете — на протяжении пяти лет [11, с. 319] (Таблица 1):

Согласно Уставу 1835 г., число казенных студентов было определено в 100 медиков и не менее 20 воспитанников Педагогического института (§ 152, § 161 [13]). Аналогичную картину дают и штаты университета за 1835 г. [17]. Тем не менее, потребность в казенном коште у небогатых учащихся была достаточно велика, потому последующие десятилетия казенное содержание постепенно расширяется. Средства на него изыскиваются из “дополнительных сумм” университета, а также благотворительных взносов. Быть может, именно ввиду их значительного количества, а равно постоянного пребывания в университетских стенах, казенные студенты, как вспоминал А.И. Георгиевский, были для других учащихся “своего рода руководителями”, хранителями традиций университета [2, с. 466].

Таблица 1 – Изменение численности студентов в 1830-1850-х гг.

Категории учащихся	Кол-во в разные годы, чел (на 1 января)									
	1835	1837	1841	1844	1847	1850	1851	1853	1856	1859
Казеннокоштные студенты	99	118	204	207	170	198	196	171	192	224
Своекоштные студенты	257	250	545	504	861	702	627	682	1011	1418
Слушатели	87	68	131	120	0	19	14	21	46	7
Прочие	13	5	36	11	61	34	119	71	89	111
ИТОГО	456	441	916	842	1099	953	956	945	1338	1760
Доля казеннокоштных в общем числе студентов, в %	27,8	32,1	27,2	29,1	16,5	22,0	23,8	20,0	16,0	13,6
Доля казеннокоштных в общем числе учащихся, в %	21,7	26,8	22,3	24,6	15,5	20,8	20,5	18,1	14,3	12,7

При этом количество казенных студентов на начальном этапе изучаемой эпохи в абсолютных цифрах было не очень большим. Выполненный вручную подсчет числа студентов по именным ведомостям учащихся показал, что по состоянию на 1 января 1835 г. их было 99 чел., а в начале 1837 г. – несколько больше, 118 чел.

Однако даже увеличившееся количество казеннокоштных студентов как тогда, так и позднее не составляло большинства студенческой массы (суммарно 356 чел. в 1835 г. и 368 чел. в 1837 г.), в общем же числе учащихся в университете их пропорция была того меньше (всего училось 456 и 441 чел. в указанные годы). По отношению к студентам, таким образом, доля казеннокоштных питомцев составляла во второй половине 1830-х гг. около 30%, а в общей массе учащихся (включая слушателей, аптекарских помощников и другие категории университетов) колебалась в районе 25%. Как мы покажем далее, это соотношение оставалось наибольшим для казеннокоштных студентов вплоть до конца николаевской эпохи.

В начале 1840-х гг. количество казеннокоштных студентов, согласно официальному отчету, почти в два раза возросло в абсолютных цифрах и превысило две сотни учащихся (204 чел. на 1 января 1841 г. и 207 чел. в 1843/1844 учебном году). Однако прирост был сугубо механическим по характеру, вызванным окончательным переходом на четырехлетнее (и пятилетнее для медиков) образование, потому затронул и своекоштных студентов, вызвав удвоение их числа – таковых стало более 500 человек. Это, в свою очередь, не позволило вырасти доле казеннокоштных студентов по отношению к общему числу студентов – она осталась на уровне 27-29%. Также указанные годы отмечены максимальным за весь изученный временной отрезок количеством слушателей на всех факультетах университета (131 слушатель в начале 1841 г. и 120 – в 1844 г.), что также способствовало снижению доли казенных студентов в общей массе учащихся в среднем до 23%.

Примечателен в плане динамики численности казеннокоштных студентов и их сравнительной представленности в университете 1846/1847 учебный год – последний год в жизни университета перед европейской революционной бурей 1848 г. и последовавшим за ней “похолоданием” в Министерстве народного просвещения и всей системе образования России. В этот год, пиковый по числу учащихся за все царствование Николая I [11, с. 133] (1099 чел. на начало 1847 г. и 1286 чел. в его конце), количество казенных питомцев не только не увеличилось, но даже несколько сократилось (до 170 чел. на 1 января 1847 г.) – видимо, в силу совпадения ряда субъективных причин, таких как переходы студентов на собственное содержание, колебание численности казенных воспитанников от года к году, отчисления из университета и т.п.

Следовательно, прирост численности учащихся в Московском университете в указанное время был достигнут вовсе не расширением казенного кошта – таковое и не было возможно ввиду ограниченности финансовых ресурсов университета, а, напротив, массовым приемом своекоштных студентов, чье количество в годовом отчете возросло еще почти в два раза, с пяти сотен до 861 чел. в 1847 году. Ввиду этого доля казенных студентов в студенческой массе упала до 16,5%, а относительно числа учащихся – до 15,5%, что является минимальным соотношением за 15-летний период.

Последовавшие за отставкой министра С.С. Уварова и попечителя С.Г. Строганова первые годы “мрачного семилетия” знаменовали собой своеобразный “реванш” казеннокоштных студентов в отношении их представленности в структуре учащихся в университете. Ограничительные меры министерства П.А. Ширинского-Шихматова ударили, в первую очередь, по сравнительно свободным в плане времяпрепровождения и потому подозрительным властям своекоштным студентам [18, с. 24-26]. Однако эти строгие меры не затронули и так находившихся под неусыпным надзором инспектора “казенных питомцев”.

Неудивительно поэтому, что при сохранении численности последних на уровне порядка двух сотен человек в начале 1850-х гг. и синхронном сокращении числа своекоштных (до 702 чел. в 1850 г. и лишь 627 чел. в 1851 г.) доля подконтрольных администрации казенных студентов в общей массе студенчества вновь выросла до 22-23%. При этом рост численности казеннокоштных студентов по отношению к общему количеству учащихся был более скромным ввиду очень большого числа сторонних лиц, посещавших лекции (вольнослушатели Медицинского факультета, аптекарские помощники, магистры и др.) – более 30 чел. в 1850 г. и почти 120 чел. в 1851 г.

Очередная смена министра народного просвещения в 1853 г. и инициированная новым министром А.С. Норовым своеобразная “оттепель” в системе образования выразилась применительно к нашей тематике сначала в постепенном, но вскоре ставшем лавинообразным увеличении числа учащихся в университете. Начав с “низкого старта”, отметки в 945 обучающихся в отчете за 1853 г., оно увеличилось до 1338 чел. в 1856 г. в начале нового царствования и до немыслимой в былые времена отметки в 1760 чел. на 1 января 1859 г., накануне начала Великих реформ.

Этот громадный рост количества университетских учащихся был достигнут, в первую очередь, за счет резкого увеличения числа своекоштных студентов: за пятилетие оно увеличилось более чем в два раза, с 682 чел. в 1853 г. до 1418 чел. в 1858/1859 г. На фоне этих показателей количество казенных студентов, хоть и тоже плавно повышавшееся (171 чел. в 1853 г., 192 чел. в 1856 г.) и даже достигшее абсолютного максимума в конце изучаемого периода (224 чел. в 1859 г.) все же безнадежно отставало в динамике. Этот факт выразился в снижении удельного веса казенных питомцев университета по отношению к общему количеству студентов с 20% в 1853 г. до 16% в 1856 г. и лишь 13,5% – на начало 1859 г. Учитывая же то обстоятельство, что количество иных категорий учащихся, отличных от студентов (магистров, гезелей), стабильно оказывалось больше ста человек на протяжении 1850-х гг., закономерным выглядит еще большее снижение процентного отношения казенных воспитанников к общему числу учащихся – до 14% в 1856 г. и, в конечном счете, до 12,7% в 1859 г.

Определенный интерес для исследователя представляет и приведенная в университетских отчетах статистика по выбывшим студентам. Причины выбывания казенных и своекоштных студентов из университета в изучаемую эпоху (впрочем, как и всегда), были самыми разными: уходили по собственному желанию, по состоянию здоровья, исключались за поведение, за неуспеваемость, в силу административных решений. Мы, к сожалению, не можем вычислить точное число выбывавших казеннокоштных студентов, но, однако, и общая картина статистики по покидавшим университет студентам позволяет сделать определенные выводы (Таблица 2).

Таблица 2 – Причины досрочного выбывания из университета

Год	Категория	Причина выбывания				
		Собственное желание	Распоряжение начальства	Пробывшие на курсе 2 года	Исключены за поведение	Умерло
1834	Студенты	28	23	0	3	6
	Слушатели	7	7	0	0	0
1841	Студенты	65	9	0	0	4
	Слушатели	7	0	0	0	0
1846	Студенты	56	1	0	0	4
1852	Студенты	49	0	5	0	3
1855	Студенты	90	0	2	0	3

Из Таблицы 2 следует, что, судя по отчетам университета, на протяжении всех 1830-х – 1850-х гг. большинство студентов покидало его по собственному желанию: наибольшее количество таковых (90 чел.) закономерно пришлось на 1854 – 1855 учебный год, то есть на то время, когда общее количество студентов начало стремительно увеличиваться. Под графой “уход по собственному желанию” на самом деле скрывались самые разные жизненные обстоятельства студентов – семейные, медицинские, субъективные...

Второй по значительности группой причин досрочного выбывания студентов из Московского университета были административные решения, и есть основания полагать, что эта причина в значительно большей степени затрагивала казеннокоштных студентов, находившихся под “особенным и ближайшим надзором за нравственностью” со стороны инспектора и его помощников, проживавших бок о бок с ними [13].

При этом практическое отсутствие в статистике исключенных за поведение не должно вводить в заблуждение – по сути, речь шла лишь о формальной отмене самой формулировки. Сами же случаи исключения из числа студентов за “буйство”, участие в тайных политических кружках [3, л. 1-2] и тому подобные неприемлемые с точки зрения властей поступки встречались на протяжении всего николаевского царствования. Стоит отметить, что исключаемые из университета в административном порядке казенные студенты немедленно снимались с казенного кошта и возвращали выданное им в пользование казенное имущество [8], включая форму и шинели.

К административным причинам исключения студентов из университета можно отнести и исключение из него согласно циркуляру 1849 г. тех, кто не перевелся своевременно на следующий курс обучения, оставшись на второй год на прежнем курсе [16]. Первые два случая выбывания по этой причине отмечены в 1855 г. – по всей видимости, усиление регламентации этого вопроса было опять же вызвано увеличением общего числа учащихся в университете. Впрочем, случаи исключения студентов, не выказывавших должного прилежания в учебе, происходили и ранее [9], при этом исключенные студенты с 1845 г. могли вернуться в университет только в качестве слушателей [6] – соответственно, и путь на казенный кошт для таких лиц оказывался закрыт.

Наконец, выбывание студентов происходило ввиду их смерти, и эта трагическая причина напрямую относилась к группе казенных студентов, чей быт, несмотря на все усилия администрации, не способствовал крепкому здоровью. Так, за 1836 г. в университетской больнице умерло сразу трое казенных питомцев, причем двое из них от чахотки [7, л. 1-2, 12-13] – заболевания, напрямую вызываемого плохими условиями жизни. К счастью, смерти студентов случались не ежегодно, и их количество в год не превышало пяти человек, и лишь в отчете за 1834 г. отмечено сразу шесть случаев.

Если же посмотреть в целом на динамику выбывания студентов и сравнить ее с их количеством, то можно увидеть, что с увеличением общего числа студентов доля выбывших, конечно,

росла, но лишь в абсолютных цифрах – с 60-ти с небольшим чел. в 1830-х – 1840-х гг. до 98 чел. в 1855 г. Однако если подсчитать количественное отношение выбывших до окончания курса студентов к числу оставшихся в университете учащихся, то мы увидим обратную тенденцию – в 1834/1835 учебном году выбыло более 20% учащихся, а в 1855 г. – лишь около 8%. В значительном снижении удельного веса досрочно выбывших студентов выразилось, с одной стороны, их стремление окончить учебу и найти свое место в жизни на основе полученного образования, необходимость которого на пороге эпохи Великих реформ уже значительно ощущалась в обществе. С другой стороны, сказались и меры административного регулирования, исключение из университета ленивых и недисциплинированных учащихся, в первую очередь из числа казеннокоштных.

При обращении к вопросу сословной принадлежности ушедших из университета студентов бросается в глаза, что на всем протяжении изучаемого периода наибольшее количество выбывших студентов имело дворянское происхождение (Таблица 3).

Таблица 3 – Выбывшие из Московского университета до окончания курса

Год	Категория	Из какого состояния						Итого
		Дворян	Духовного	Обер-офицерские дети	Купцов	Мещан	Разночинцев	
1834	Студенты	43	6	0	0	1	12	62
	Слушатели	0	0	0	8	4	2	14
1841	Студенты	35	16	0	0	0	27	78
	Слушатели	0	0	0	5	2	0	7
1846	Студенты	30	3	10	5	13	0	61
1852	Студенты	36	5	7	4	5	0	57
1855	Студенты	47	10	15	12	8	6	98

Можно предположить, что отпрыски дворянских семейств в указанную эпоху не слишком дорожили местом во всеобщем университете и легко бросали учебу под разными благовидными предлогами. Отчасти это касалось и студентов-дворян на казенном содержании, хотя их финансовое положение, как правило, было не столь блестящим. Впрочем, студенты из среды обедневшего дворянства, стремившиеся к академической карьере, напротив, обычно дорожили своим положением и были благодарны университетским властям за предоставление казенного кошта с весьма “недурными”, по словам казенного студента и будущего филолога Ф.И. Буслаява, условиями проживания и питания в стенах университета [1, с. 203].

Что же касается студентов недворянского знания, то следует заметить, что выходцы из духовенства и разночинской среды, за единственным исключением в 1841 г. (в отчете упомянуты 27 выбывших разночинцев), сильно уступали в этом аспекте дворянам, потому что в массе своей стремились получить образование и держались за места в университете, стараясь не конфликтовать в открытую с властями, прилежно учиться и т.д.

Наконец, крайне любопытную картину дают выборочные расчеты численности выбывших студентов в разные годы по факультетам (Таблица 4).

Как мы видим наибольшее количество выбывших, особенно с начала 1850-х гг., было на медицинском факультете (Таблица 4), что объясняется, с одной стороны, достаточно просто – большим количеством учащихся на его двенадцати кафедрах (с 1835 г.). С другой стороны, медицинский факультет был одним из самых “казеннокоштных” по своему составу, и вполне возможно, что, несмотря на свое прилежание, казенные студенты-медики исключались из университета в достаточно большом количестве, так как их жизнь проходила на виду у администрации, и все их проступки и оплошности были известны университетским властям.

Таблица 4 – Количество выбывших по факультетам

Год	Категория	Факультет			
		1-е отд. Философ. ф-та	2-е отд. Философ. ф-та	Юридический	Медицинский
1834	Студенты	26	5	22	9
	Слушатели	4	1	8	1
1841	Студенты	12	15	34	17
	Слушатели	0	1	5	1
1846	Студенты	1	6	37	17
1852	Студенты	3	3	10	41
1855	Студенты	4	11	17	63

Что же касается юридического факультета, лидировавшего по числу выбывших студентов в 1840-х гг. (37 чел. в 1846 г.), то количество казенных студентов на нем было менее значительным – несколько десятков человек, и какой-либо устойчивой тенденции их выбывания проследить не удалось. Аналогично статистические закономерности ухода из университета казенных студентов двух отделений философского факультета не могут быть прослежены по причине их малого количества – 10-15 чел. на физико-математическом отделении и не более пяти “казенных питомцев” на словесном отделении на протяжении 1830-х – 1840-х гг.

Таким образом, несмотря на невозможность на основании отчетов Московского университета выделить отдельную статистику по покидавшим университет казеннокоштным студентам, можно предположить, что вероятность покинуть университет для них не была нулевой – как в силу субъективных причин, так и в силу административных решений. В целом, казенные студенты не спешили оставлять университет, дававший им жилье, образование и лучшие перспективы на будущее, чем принадлежность к сословным корпорациям.

В целом же, изучив статистические данные о количестве казенных студентов в Московском университете в 1830-1850-х гг. в абсолютных цифрах и их относительной представленности в университете наряду с другими группами учащихся, мы можем сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, общее число казенных студентов, связанное с утвержденным финансированием и штатом, год от года оставалось сравнительно стабильным, составляя около 100 человек во второй половине 1830-х гг. и около 200 в 1840-1850-х гг. Во-вторых, как следует из вышесказанного, их количество плавно и постоянно увеличивалось (кроме небольших “откатов” в 1847 и 1853 гг.) на протяжении всего изучаемого периода и в итоге выросло за 20 лет в 2,3 раза [11, с. 140-141]. В-третьих, эти цифры совершенно не впечатляют, если сравнить их с ростом численности своекоштных студентов и в целом учащихся за весь период (в 7 и 4 раза соответственно).

Перейдем теперь к более подробному описанию социальных характеристик группы казеннокоштных студентов Московского университета. Важнейшим параметром любой общественной группы дореформенной России была сословная принадлежность, так как именно она определяла круг основных прав и обязанностей ее представителей. Хотя студенты российских университетов во время нахождения в них и теряли часть своих сословных характеристик, становясь, по сути, отдельной социальной группой, все же изучение сословного происхождения казеннокоштных студентов также представляет значительный интерес, поскольку позволяет на их примере выявить те социальные сдвиги, которые происходили в Российской Империи во второй трети XIX века.

Можно утверждать, что большинство казенных студентов на начало изучаемого периода оказалось выходцами из духовного сословия. В 1835 году наибольшее количество казеннокоштных студентов происходили из духовного состояния и составляли 36 чел. из общего ко-

личества казенных питомцев в 99 чел., что составляет более трети. Еще более ярко доминирование выходцев из духовной среды проявилось в 1837 г. – 56 из 118 казенных питомцев, то есть почти половина (Таблица 5). По этой причине можно предположить, что на облик университетской группы казенных студентов в те годы серьезно повлияли именно обычаи и привычки духовенства:

Таблица 5 – Социальное происхождение казеннокоштных студентов

Из какого состояния произошли	Кол-во в разные годы, чел (на 1 января)									
	1835	1837	1841	1844	1847	1850	1851	1853	1856	1859
Духовенство	36	56	40	18	14	14	16	13	33	43
Воспитанники Московского воспитательного дома и др. домов	14	21	53	36	33	26	15	3	2	3
Купечество	3	7	4	4	13	7	10	10	8	11
Дворянство	15	18	53	56	54	74	74	72	73	77
Мещанство	13	7	24	29	13	18	17	17	18	15
Обер-офицерские дети	10	6	7	27	38	40	44	46	39	63
Прочие	8	3	23	37	5	19	20	10	19	12
ИТОГО	99	118	204	207	170	198	196	171	192	224

В следующем десятилетии позиции студентов из духовного звания пошатнулись: на протяжении всех 1840-х гг. их количество среди “питомцев” казенного кошта устойчиво снижалось как в абсолютных, так и в относительных величинах: с 40 чел. (около 20% от числа казеннокоштных студентов) в отчете за 1841 г. до 18 чел. (10%) в 1844 г. и всего лишь 14 чел. и 8% в 1847 г. соответственно.

Потеснили духовных лиц с казенного кошта дворяне. Их количество и удельный вес были незначительными во второй половине 1830-х гг. (15 чел. в 1835 г., 18 чел. в 1837 г. – около 15% от общей численности казенных студентов), но росли с началом нового десятилетия, причиной чего было твердое намерение попечителя С.Г. Строганова увеличить количество дворян в университете, тем самым поддерживая их сословный статус образованием и, наоборот, ограничивая доступ в университеты лиц недворянского происхождения [11, с. 22-23].

Очевидно, этой продворянской политикой нового руководства учебного округа воспользовались небогатые дворяне, в распоряжении которых была возможность зачислиться на казенный кошт. Результат усилий попечителя не заставил себя долго ждать: уже в 1841 г. дворяне (наряду с разночинцами) превзошли духовных лиц как в количественном (53 чел.), так и в процентном отношении (более 25% от общего числа). В последующие годы в результате перегруппировок казенных мест, занимаемых различными категориями разночинцев, речь о которых пойдет ниже, дворяне оказались в большинстве, хоть и относительном, при этом количество студентов-дворян демонстрирует количественную устойчивость: 56 чел. в 1844 г. и 54 чел. в 1847 г. В относительных величинах их представленность даже увеличилась ввиду некоторого снижения общего числа казенных питомцев, превысив за указанные три года 30%.

Как мы видим, потеснившие с казенных мест духовенство дворяне также не стали подавляющим большинством. Причиной тому стало существенное повышение доли казеннокоштных студентов разночинного происхождения. К началу 1840 гг., как справедливо заметил

Ф.А. Петров, удельный вес дворян снизился, а доля остальных сословий в целом по университету повысилась, причем особенно возросло количество разночинцев. Окончание университета давало им преимущества, позволявшие “далеко выходить из круга, в котором они находились по своему положению” [11, с. 37].

Эта тенденция нашла свое отражение и в изменении данных о сословной принадлежности казенных студентов университета. Так, уже в 1841 г. количество только одной из групп разночинцев – воспитанников Московского воспитательного дома – совпало с числом студентов-дворян (53 чел.). При этом определение понятия “разночинцы” применительно к изучаемой эпохе представляет из себя некоторую трудность. 28 июля 1831 г. в Министерстве народного просвещения даже специально рассматривался вопрос о том, кого следует понимать под наименованием разночинцев. Тогда было решено, что разночинцы – это “нижнее придворные, статские и отставные воинские служители и прочие, кои не причисляются к купеческому торговому сословию”, а также “дети копиистов, канцеляристов и чиновников не из дворян, до коллежского асессора” [12].

В соответствии с этим широким определением мы можем выделить достаточно большое количество социальных групп, университетских представителей которых на казенном коште можно называть разночинцами. Это, кроме прочих, упомянутые выше воспитанники Московского Воспитательного Дома, а также изредка других воспитательных домов, количество которых постепенно повышалось во второй половине 1830-х гг. (14 чел. в 1835 г., 21 чел. в 1837 г.), достигло абсолютного и относительного максимума в 1841 г., держалось на уровне около 30 человек все 1840-е гг. и почти сошло на нет в 1850-х гг. Заметим, что выходцы из воспитательных домов, называясь казеннокоштными студентами, находились на содержании своего воспитательного дома, а не собственно казны.

Второй по значению группой студентов-разночинцев на казенном коште были обер-офицерские дети, не имевшие дворянского звания. Их количество, незначительное в 1830-х гг. (10 чел. в 1835 г., 6 чел. в 1837 г.), к середине следующего столетия резко пошло вверх, достигнув 27 чел. в 1844 г. и почти сорока студентов в отчете за 1847 г., что составило уже 12-13% от общей численности казенных студентов. Именно эта группа разночинцев, обладавших гимназическим образованием, отчасти “повинна” в снижении удельного веса выходцев из духовенства в начале 1840-х гг. на казенном коште.

Оставшуюся часть казеннокоштных студентов разночинного происхождения составляла разнородная масса лиц, в которой каждое отдельное сословие и состояние было представлено единичными студентами и не во все годы, но все вместе эти учащиеся составляли значительную долю казенных воспитанников университета – вплоть до 10-15% в 1841-1844 гг. Среди конкретных групп разночинцев выделяются представители свободного от крепостной зависимости крестьянства, фигурирующие в университетских отчетах под названием “вольноотпущенников”, а также примыкавшие к ним однодворцы. Также, в полном соответствии с приведенным выше определением, под эту категорию подпадают сыновья чиновников, иногда с указанием ранга (коллежских асессоров и др.). Кроме того, встречаются упоминания о казенных студентах из среды нерусского дворянства – белорусской и польской шляхты, просто “иностранных”, польских поселян, сыновей лютеранских пасторов и многих других.

Что же касается представителей купечества, то надо заметить, что они были представлены как на казенном коште, так и в целом в университете весьма скромно – как вспоминал будущий профессор Университета Ф.И. Буслаев, “...между “податными” слушателями были больше мещане, так как купцы, по крайней мере, у нас в Москве смотрели тогда на университет недоверчиво и косо, и даже боялись его для своих сыновей, чтобы они в студентах не “обофицерились” [2, с. 210]”.

В абсолютных цифрах количество купеческих детей в рядах казеннокоштного студенчества за все исследуемые годы составляло около 10 чел. или меньше, лишь один раз достигнув 13 чел. в 1847 г., что составило лишь 7% от общего количества воспитанников. Некоторое

повышение количества выходцев из купеческой среды к этому году (в 1841-1844 гг. она составила только 4 чел.) можно объяснить ликвидацией института частных слушателей, немалую часть которого составляли купцы наряду с прочими разночинцами.

Наконец, количество казенных студентов из мещанства (а также примыкавших к этой группе “посадских людей”) постепенно увеличивалось на рубеже 1830-1840-х гг., достигнув 29 чел. в отчете за 1844 г. (почти 15% от общего числа), а далее несколько снизилось и в последующие годы не превышало 20 студентов. Примечательно, что сокращение числа лиц из мещанского сословия на казенном коште совпало с аналогичным сокращением в целом по университету ввиду повысившейся платы за обучение.

Таким образом, на протяжении всех лет правления Николая I дворянство, несмотря на все усилия властей, не стало подавляющим большинством ни на казенном коште, ни в общей массе учащихся в университете лиц. Применительно к казенному кошту следует отметить, что даже в годы “мрачного семилетия” число дворян, державшееся на уровне 75 чел., уравновешивалось разночинцами, в первую очередь увеличивавшимся представительством офицерских детей (с 40 чел. в 1850 г. до 63 чел. в 1859 г.). Вкупе с вновь возросшей долей выходцев из духовного звания (43 чел. в 1859 г., или почти 20%) они составляли серьезную оппозицию дворянскому представительству в этой группе студентов. А значит, несмотря на все усилия властей, казенный кошт не стал за все эти годы преимущественно дворянским, сохранив свой разнородный, разночинский облик, повлиявший на сходное положение дел в университете в целом.

Кроме происхождения студентов, об их социальном статусе много могла сказать принадлежность к той или иной религии. Социальный состав студентов был в значительной степени связан с национальным, но исследователи предпочитают не касаться этой темы из-за сложности выявления национальности, так как статистические данные в ту эпоху собирались по профессиональному признаку.

И все же статистические данные по принадлежности казеннокоштных студентов к конфессиям позволяют сделать некоторые выводы. Так, в графу “православные” были объединены, прежде всего, русские, а также украинцы и белорусы [11, с. 136] (они также могли быть “греко-униатского” исповедания). Закономерно, что эти представители “титульной” конфессии и нации составляли все годы подавляющее большинство студентов, в том числе и казеннокоштных. Однако если в 1835-1837 гг. преимущество православных было поистине неоспоримым (более 90% от численности казенных студентов), то уже к 1844 г. снизилось до 70%. Причиной этому стало повышение числа католиков, то есть лиц католического и “римско-католического” исповедания: с 6-10 чел. в конце 1830-х гг. оно увеличилось более чем четырехкратно к 1841 г. (41 чел.), а затем еще в полтора раза, достигнув цифры в 68 чел. в 1844 г., то есть почти 30% от общего числа (Таблица 6).

Таблица 6 – Конфессиональная принадлежность казенных студентов

Религия	Кол-во в разные годы, чел (на 1 января)									
	1835	1837	1841	1844	1847	1850	1851	1853	1856	1859
Православие	91	108	159	136	144	156	146	118	140	162
Католичество	6	10	41	68	25	34	37	39	32	46
Армянская церковь	2	0	0	0	1	4	8	12	16	10
Лютеранство	0	0	3	2	0	3	4	1	3	6
Прочие протестанты	0	0	1	1	0	1	1	1	1	0
ИТОГО	99	118	204	207	170	198	196	171	192	224

Причиной резкого повышения числа лиц католического исповедания в университете стали специальные правительственные распоряжения 1840 и 1842 гг., согласно которым в Московский университет были привлечены в значительном количестве студенты польского проис-

хождения, чтобы, с одной стороны, подготовить квалифицированные кадры учителей и чиновников для службы в Царстве Польском, а с другой – держать молодых поляков под контролем властей [4, с. 114].

Как бы то ни было, казенные студенты католического вероисповедания были единственной группой, количественно противостоявшей православным “питомцам”. В последующие годы их число, упавшее в 1847 г. до 25 чел., вскоре восстановилось на отметке 35-40 чел. и дошло до 46 чел. в 1859 году, что составило порядка 20% от общего числа казеннокоштных обитателей университета.

Остальные конфессии были представлены в рядах казенных питомцев намного скромнее, чем православные и католики. Так, этнические армяне, принадлежавшие к армяно-григорианской церкви и представленные двумя казенными студентами в 1835 г., затем вплоть до 1847 г. потеряли свое представительство в этой группе студентов, что связано с общим снижением их количества в университете и одновременным повышением статуса Лазаревского института, ставшего высшим учебным заведением [11, с. 137]. В последующие годы количество армян на казенном коште постепенно повышалось: с одного студента в 1847 г. до 16 чел. в 1856 г. – около 8% от общего числа казеннокоштных студентов.

Единичным было и представительство в рядах казеннокоштных воспитанников университета студентов лютеранского (лютеранско-евангелического) исповедания, как и других “реформатов”. Наибольшее их количество пришлось на последний из изученных нами 1859 год – 6 человек и примерно 4% от общей численности казенных студентов. В основном в университетских отчетах за наименованием “лютеране” скрывались этнические немцы, особенно выходцы из Прибалтики.

Таким образом, во все исследуемые годы этноконфессиональный состав казеннокоштных студентов представлял из себя более однородную и устойчивую структуру, чем сословный срез той же социальной группы. В нем выделялись две большие конфессиональные группы – православные и католики, за которыми скрывались представители великоросской народности (вместе с малороссами и белорусами) и поляков соответственно. Другие народы и религии (армяне, немцы-лютеране и др.) были представлены намного слабее, а англикан и иудеев, представленных в общем числе учащихся в те годы [11, с. 140-141], на казенном коште не было.

Наряду с вышеприведенным анализом сословно-конфессионального состава студентов стоит отметить, что распределение казенных питомцев по отделениям и факультетам было неравномерным. Так, они практически (а в некоторые годы и полностью) отсутствовали на словесном отделении Философского факультета (позднее – историко-филологический факультет), что может быть связано с научным, неприкладным характером образования на данном отделении. Наибольшее же количество казеннокоштных учащихся в исследуемую эпоху было на медицинском факультете университета: при приеме на него традиционно не обращали внимания на социальное положение, и число казеннокоштных студентов там было значительно выше, чем на других факультетах, порой вместе взятых.

Примечательны и некоторые данные по возрасту казеннокоштных студентов университета, обучавшихся в нем в указанную эпоху. Несмотря на тот факт, что в 1836 г. был установлен минимальный возраст поступления в университет на уровне 17 лет, как во второй половине 1830-х гг., так и позднее на казенном содержании встречались студенты и более младших возрастов. Так, согласно университетскому отчету, в 1841 г. заканчивал последний, четвертый курс 2-го отделения философского факультета казенный студент Николай Соколов, выходец из обер-офицерских детей, которому тогда едва исполнилось 18 лет – соответственно, в университет он поступил 14 лет от роду.

Немногом старше Соколова был в момент окончания в 1848 г. этого же отделения университета студент из мещан Михаил Окатов (19 лет) или, например, закончивший в 1847 г. четвертый курс своего факультета казеннокоштный студент-медик Петр Кашин (19 лет). Четырнадцатилетними поступили в университет и выходцы из польских земель разночинцы Нарцес

Отлышевский (18 лет, 4 курс медицинского факультета в 1848 г.) и Александр Преис (16 лет, 2 курс юридического факультета в 1844 г.).

Справедливости ради стоит заметить, что обнаруженный нами своеобразный “рекорд” по раннему началу учебы в Московском университете на казенном содержании в эпоху, последовавшую после введения Устава 1835 г., принадлежит не разночинцу, а дворянину. Фердинанду Чашницкому из благородного сословия на момент его учебы на 4 курсе медицинского факультета в 1844 г. было всего 16 лет – соответственно, студентом он стал еще в двенадцатилетнем возрасте, хотя нельзя полностью исключать и возможность технической ошибки в университетском отчете.

Интересна и противоположная часть возрастного диапазона казенных студентов в изучаемое время. Учитывая непростую биографию и извилистый путь в университет многих студентов-разночинцев, логично было предположить, что именно они будут в числе наиболее великовозрастных казенных питомцев. И действительно: самым возрастным студентом за весь период 1835-1858 гг. стал казенный студент из мещан 2 курса медицинского факультета Никита Мирановский (32 года в 1841 г.), поступивший в университет уже тридцатилетним. Немногим моложе Мирановского были в 1844 г. первокурсники-медики Иван Вирызов из дворян и Петр Голицинский, выходец из Московского воспитательного дома – им было в момент поступления по 29 лет и предстояло 5 лет учебы согласно параграфу 100 Устава 1835 года [13].

Особенно часто встречались студенты выше среднего возраста среди выходцев из духовного сословия, что традиционно объясняется тем, что многие из них попадали в университет уже после учебы в семинарии. Среди последних можно упомянуть 28-летнего учащегося 4 курса медицинского факультета Филиппа Воздвиженского (1841 г.) и третьекурсника нравственно-политического отделения Василия Красина (29 лет по состоянию на 1 января 1835 г.). Не отставали в этом аспекте от отпрысков православного духовенства и разночинцы-“инородцы”: 30 лет исполнилось в 1841 г. сыну чиновника католического исповедания Оскару Шульцу с 3 курса 1-го отделения, тогда же 29 лет – польскому мещанину Павлу Стацкевичу с 3 курса медицинского факультета и столько же – его товарищу по факультету и курсу, католику и купеческому сыну Генриху Завистовичу (1847 год).

Заметим также, что наибольший разброс по возрасту казенных студентов наблюдается на протяжении всего периода на медицинском факультете университета – не только ввиду большого (до 100 человек) количества собственно казеннокоштных питомцев, но и, видимо, из-за сложностей учебы по врачебной специальности и непростой судьбы ряда ее представителей в университете. Что же до остальных факультетов и отделений университета, то в их отношении выборка в разы меньше, и зачастую вовсе невозможно создать статистически достоверную картину возраста казенных студентов ввиду крайне малого их количества, а то и вовсе полного отсутствия на отдельных курсах.

В сравнении же с основной студенческой массой своекоштных студентов казенные обитатели университета предстают в среднем на пару и более лет постарше, чем отчасти объясняется достаточно уважительное отношение к ним даже среди отпрысков самых родовитых дворянских фамилий – они предстают в воспоминаниях как опытные старшие товарищи 17-18-летней студенческой молодежи также и по причине возраста.

Заключение

Таким образом, казеннокоштные студенты Московского университета николаевского времени являются неоднородной по своему социальному составу (и конфессиональной принадлежности), интересной для исследователя группой, поскольку в ее историческом развитии в миниатюре отразились многие процессы общеуниверситетского масштаба. Попытки правительства привлечь дворянство в университеты, увеличение числа образованных разночинцев, национальная политика в отношении “инородцев”, регламентация возраста студентов и сроков их пребывания в университете – все эти явления и тенденции прямо и непосредственно отражались на социальном облике группы казеннокоштных студентов Московского университета,

и ее развитие далеко не всегда происходило в рамках намеченного университетским начальством курса. Впрочем, последнее можно сказать и обо всей университетской корпорации, во все времена и эпохи жившей по своим собственным правилам и законам, лишь косвенно связанным с попытками государственного регулирования деятельности университетов.

Библиография

1. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). / ред. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 200-222.
2. Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 162. № 6. [Электронный ресурс]: <https://www.prlib.ru/item/362753> (дата обращения: 30.05.22).
3. Дело о зачислении в университет студентов Сандукелю и Топорнина, ранее исключенных и находившихся под следствием по делу Сунгурова и Гурова // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 491. Д. 23.
4. Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Издательство Московского университета, 1972. 343 с.
5. Кудж С.А., Голованова Н.Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // Российский технологический журнал. 2020. Т. 8. № 4. С. 112-128.
6. О допущении исключенных из числа студентов университета за безуспешность к слушанию лекций в качестве частных слушателей. 30 ноября 1845 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. Т. 2. № 769.
7. О смерти студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 253. Д. 8.
8. О снятии с казенного содержания и об исключении из университета студента Владимира Потапова // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 267. Д. 10.
9. Об исключении студентов из университета, не явившихся на экзамен и других, не оказавших успехов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 1. Д. 209.
10. Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета. М.: Типография Московского университета, 1835-1859.
11. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. М., 2003.
12. По вопросу о том, кого следует разуметь под именем разночинцев // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1866. Стб. 802.
13. Университетский Устав (26 июля 1835) // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 10.11.21).
14. Феофанов А.М. Студенты казеннокоштные // Императорский московский университет. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 699.
15. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011.
16. Циркулярное предложение о недозволении всем вообще студентам университетов оставаться в одном курсе два года. 9 июня 1849 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. Т. 2. № 897.
17. Штаты Императорских университетов (Извлечения по Московскому университету). 1835 год // Уставы Московского университета, 1755-2005. / Авт.-сост. Е.И. Гена. М.: Имперриум-Пресс, 2005. 479 с.
18. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. 272 с.

STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITY OF THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY AS A SOCIAL GROUP

Gritsenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the state-owned students of the Moscow University of the Nikolaev era, which was not previously undertaken in Russian historiography, as the most important group among university youth, representing the values and characteristic features of the entire student mass of that time to the greatest extent. On the basis of archival data, official documentation of the university, as well as a number of sources of personal origin, the main features of this group were revealed, namely, the *raznochinskoe* origin of the majority of “state pets”, a fairly young age moving to state *kosht*, their modest financial situation. From the point of view of the trends in the development of the social group of state students, it is worth noting the gradual expansion of the representation of this type of students within the university walls, associated both with the general expansion of the corps of students and with the awareness of the advantages of university education in the broad strata of the urban population of the Russian Empire. As for the representation of state-funded students by faculties and departments of Moscow University, most of them were at the Faculty of Medicine, which is associated not only with the large-scale admission of students to it, but also with professional prospects within this specialty. State support was not considered a prestigious status for a student, but it assumed the fullest provision of students' material needs for food, a roof over their heads (they lived directly within the walls of the University), books, stationery, furniture and clothing. On the other hand, the official *kosht* assumed close monitoring of the studies and morals of students by the inspector of students, his assistants, as well as higher university authorities. Nevertheless, a number of former “state pupils” fondly recalled their student years and considered state maintenance to be a boon for poor *raznochintsy* students. With the abolition of the state *koshta* in 1858, a whole chapter in the history of the students of Moscow University and its core, state students, ended.

Key words: Imperial Moscow University, state-owned students, self-employed students, Ministry of Public Education, student inspector, *raznochintsy*.